

доверию, подозрительности людей друг к другу, доносите́льству, деформировал психологию не только педагогов, но и учащихся. Искоренялось уважение к человеку как личности.

1. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М, 1992.
2. ЦДООСО. Ф.4. Оп.15. Д.483. Л.34; Д.486. Л.79.
3. ЦДООСО. Ф.4. Оп.33. Д.337. Л.337
4. ЦДООСО. Ф.4. Оп.33. Д.338. Л.61.
5. ЦДООСО. Ф.4. Оп.33. Д.337. Л.154.
6. ЦДООСО. Ф.4. Оп.33. Д.350. Л.1, 61.
7. УГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.33020. Л.1, 25, 26, 28.
8. УГААОСО. Ф.1. Оп.2. Д.33381. Л.22, 30.

Пузанов В.Д.

Кочевые миграции на сибирском юге (XVII – XVIII вв.)

Кочевые племена Азии сыграли важную роль в истории традиционных обществ Востока и Европы. Их передвижения нередко становились причиной распада окружающих государств и началом новых этапов в истории оседлых народов (например, в эпоху Великого переселения народов). Территория Западно-Сибирской равнины примыкает к одному из отрезков т. н. Великой степи, которая обычно называется восточный Дешт-и-Кипчак (между Аральским морем, оз. Балхаш, р. Сыр-Дарьей, Яиком, верховьями Тобола и Ишима).

Географически именно степь Дешт-и-Кипчак является ключевой территорией к Западно-Сибирской и Туркестанской равнинам. Владение ей обеспечивает выход в степные и лесостепные пространства Тобола, Ишима и Иртыша, что дает возможность контролировать остальную Западную Сибирь. Одновременно та же степь позволяет легко выйти практически к любому пункту на р.Сыр-Дарье вплоть до Ташкента, а из Приаралья и к Аму-Дарье – к Ургенчу, Хиве и далее. Все эти преимущества могут быть достигнуты только при условии создания в Дешт-и-Кипчак достаточно жизнеспособного кочевого государства, обладающего значительными резервами хорошо обученной конницы – оптимального рода войск для данной местности. В случае неспособности кочевников к подобному политическому объединению Дешт-и-Кипчак из ключевой становится уязвимой территорией, открытой для вторжения из любого из расположенных рядом государств. Пользуясь уязвимостью кочевий при нападении они могут диктовать кочевым племенам свою волю.

Геополитические факторы предопределили развитие этнической истории региона. Кочевые союзы, сменяющие друг друга в Дешт-и-Кипчак, оказывали определяющее влияние на племена Западной Сибири. Побежденные орды кочевников бежали в степи Восточной Европы или отступали на север в лесостепи Сибири и Урала. Там остатки различных тюркских кочевых племен, вытесняя в леса и ассимилируя местное финно-

угорское и сармато-аланское население, положили начало современным сибирским татарам и башкирам. Этот процесс наглядно предстает при изучении родовых преданий башкир. Предки башкир – тюркские скотоводческие племена в конце IX – начале X вв. мигрируют в район Южного Урала из приаральско-сырдарьинских степей. Позднее в состав башкирских племен в XI – XV вв. входят крупные группы тюрков из Средней Азии и южных степей, по разным причинам вынужденные оставить места старых кочевий и искать укрытия. Так кара-кайтаи, бела-кайтаи и зилайцы – названия современных башкирских родов – жили до XIII в. на границе Средней Азии и Китая, а затем, по свидетельству Абуль-Гази, были истреблены монголами и после этого исчезли с обозримого пространства Евразии. Бурзянцы были отброшены арабами от Хорезма в VII в. Помимо перечисленных у современных башкир есть также роды биярцев, кипчаковцев – потомки хозяев европейских степей, Поволжья и Приуралья до XIII в. – болгар и кипчаков (1).

Во время завоевания Россией Сибирского царства в Дешт-и-Кипчак боролось между друг другом несколько кочевых союзов – ойраты, казахи и ногаи. Все они в политическом и культурном отношении были наследниками монгольской империи. Ногаи – ближайшие соседи Сибирского царства и союзники Кучума уже к второму десятилетию XVII в. были вытеснены из азиатских степей за Волгу ойратами. Ойраты – западные монголы, в XIV – XV вв. возвратили себе самостоятельность, освободившись от подчинения общемонгольским ханам. Постоянные степные войны с казахами и монголами осложнялись непрекращающейся междоусобной борьбой за лидерство внутри аморфного ойратского союза, причиной чего стала усиливающаяся нехватка пастбищ в местах традиционного кочевания из-за бурного роста населения, что со всей остротой обозначилось в конце XVI в.

В XVII в. ойраты совершают экспансию в трех направлениях – на восток, запад и юг. Отправившаяся после 1618 г. на запад группа торговцев (50 тысяч кибиток) во главе с тайшей Хо-Орлеком (Урлюком русских актов), включившая в свой состав более мелкие племенные образования, в 20 гг. XVII в. мигрирует по территории современного Северного Казахстана на Волгу. Этот кочевой союз получил от тюрков название калмыков (в значении «отделившийся» от основной массы ойратов), которое было принято русской властью для обозначения ойратских групп, не подчинявшихся в политическом отношении роду Чорос и позднее стало самоназванием кочевников. Степные пространства Западно-Сибирской равнины на протяжении XVII в. становятся частью ойратского мира, раскинувшегося от озера Кукунор до р. Волги (2). Характерно, что отряды ойратов принимают участие в событиях на восточной и западной окраинах Евразии – взятии Пекина маньчжурами в 1644 г. и боях под Веной 1683 г.

В XVII в. ойраты кочуют в районе рек Иртыша, Ишима и Тобола, вытесняя платящих ясак сибирских татар на север, из их промысловых угодий на юге Сибири. По сведениям Юрия Крижанича, прожившего в сибирской ссылке 15 лет (1661 – 1676) и зафиксировавшего современную ему обстановку, в летнее время калмыки кочевали в южной части степи, у границ Китая и Бухары, на зиму перемещаясь к рубежу Сибири “ради изобилия там топлива“, перегоняя свои стада на новые пастбища: “калмыки остаются на одном месте, пока стадам их хватает корму, затем, когда вся трава истреблена они гонят стада в другое место“ (3). В этих условиях калмыкам был необходим дружественный нейтралитет Русского государства для безопасности кочевий и постоянного функционирования рынков обмена. В 50 – 60 гг. XVII в. дружественный нейтралитет сменился союзом с рядом калмыцких групп в Поволжье, в ходе которого начался процесс реального вхождения калмыков в состав Русского государства. Тенденция русско-калмыцкого сближения с 50 – 60 гг. XVII в. благоприятным образом воздействовала на русскую колонизацию плодородного лесостепного юга Западной Сибири, что и обусловило возможность развития ее быстрых темпов в 50 - 80 гг. XVII в. После ухода калмыков из районов верхнего Притоболья и Приишимья в конце XVII в. в Джунгарию и на Волгу, русская колонизация юга Сибири остановилась и в отдельных районах даже отступила.

Основным соперником ойратов в борьбе за Дешт-и-Кипчак выступили казахи, борьба с которыми шла с переменным успехом на протяжении XVI – XVIII вв., став одной из главных составляющих политической истории региона. В конце XVI в. казахи мигрировали из Дешт-и-Кипчак на юг, где им удалось установить свою власть над рядом городов по р. Сыр-Дарье. Это на долгое время исключило их соприкосновение с русскими. Приход калмыков в 10 – 20 гг. XVII в. в степные районы Зауралья и Поволжья окончательно разделил русских и казахов. Во второй половине XVII в., по данным Разрядного приказа, кочевьем “Казачьей орды“ оставалась “земля Юргенская и земля Бухарская“ (4).

В конце XVII в. ойраты начали вытеснение казахов из оазисов Средней Азии. В результате серии походов Галдана 1681 – 1685 гг. им удалось отбить у казахов экономически развитую восточную часть Туркестана, опустошив ряд прилегающих районов. Казахи попытались компенсировать потери, понесенные в ходе серии войн с джунгарами, набегами на соседние земледельческие общества. В 1690-е гг. отряды казахов разгромили Тарханский острог, Утятскую, Камышевскую слободы и Царево Городище. В июле 1693 г. у озера Семискуль казахи истребили отряд В. П. Шульгина (около 400 чел.), составленный из элиты сибирских служилых людей – детей боярских, служилых татар и конных казаков Тобольска (5).

В первой трети XVIII в. казахский натиск принял форму ежегодных набегов на выступающую к югу линию русских поселений – в районы Среднего Приишимья, Притоболья и Примиассья. Ойрато-казахская война 1717 – 1718 гг. привела к новым поражениям казахских жузов. Это побудило часть казахских родов, оставив кочевья в прифронтовой полосе, в 1718 г. прибыть к границам русской Сибири, где у них начались конфликты с русскими подданными, использовавших верховья Тобола и Ишима в качестве мест своей охоты и промысловой деятельности. Так, в декабре 1718 г. командовавший, расположенным на границе Сибирским полком слободских драгун, полковник Леонтий Парфентьев сообщил в Тобольск, что на реку Ишим “по обе стороны” в “самую близость” к русским слободам прибыла казачья орда и “на промыслах, на солёных озёрах, и на хмеле русских людей и татар побивают и полон берут” (6). Окончательный разгром 1723 – 1725 гг. казахов ойратами, потеря Ташкента и Туркестана привел к подкочевке к территории Западной Сибири и Урала десятков тысяч, потерявших скот, кочевников. Перекочевка вызвала многочисленные конфликты казахов с русским, татарским и башкирским населением Зауралья за уголья южной части края. Преследующие их отряды ойратов настигали их в районах этих рек, непосредственно у границ русского Зауралья и Урала.

Общая картина середины 20-х гг. XVIII в. на юге Западной Сибири дана в отписке полковника Парфентьева от 23 ноября 1723 г., - «неприятели Казачья Орда... приблизились кочевать к пограничным слободам во близости и кочуют по Ишиму и другим рекам его величества людей, конечно, разоряют, в полон уводят и побивают, скот отгоняют, пожитки грабят, дворы, хлеб, село жгут, а оным неприятелем в таковой близости все, конечно, кочевать не подлежит” (7).

Одним из результатов ойрато-казахских войн стало приостановка русской миграции на юге Западной Сибири. В конце XVII в. Сибирский приказ временно запретил заселение новых территорий русским населением. В уже построенных острогах и слободах велись фортификационные работы по усилению их обороноспособности. Населенные пункты, находившиеся на открытой для кочевников территории сносились, а их население переводилось в слободы или укрепленные деревни. На крестьянское население пограничных районов возлагалась задача укрепления своих деревень, постоянного боевого дежурства и обучения военному делу под командой офицеров. К 1741 г. только в четырех дистриктах Сибирского юга (Ялуторовском, Исетском, Шадринском и Окуневском) было укреплено 76 населенных пунктов (по подсчетам автора), где находилось 138 артиллерийских орудий, большие запасы боеприпасов и ружей (8). Во второй трети XVIII в. вся южная граница России от Волги до Алтая была опоясана военными линиями, которые надолго стали рубежом, отделявшим империю от ее новых беспокойных подданных.

1. Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949. С. 8. Филоненко В. И. Башкиры // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1913. № 3. С. 67; Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.-Л., 1955; Башкиры // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 106.
2. Пальмов Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922. С. 5; Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1926. Ч. 1. С. 8; Богоявленский В. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. № 5. М., 1939.
3. Титов Ю. Сибирь в XVII в. М., 1890. С.182.
4. Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950. С.182.
5. РГАДА. ф. 199. Ед. хр. 481. Т. 6. Л. 148, Л. 113. Есиповская летопись. ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С.104; Абрамов Н.А. Слобода Царёво Городище с окрестностями до переименования её городом Курганом. Тобольские губернские ведомости. 1860. № 5 – 6; Сибирский летописный свод. ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. С.287; Сибирский летописец, летопись конца XVII- начала XVIII столетий. Тобольск, 1892. С.35; Международные отношения в Центральной Азии XVII – XVIII вв. Документы и материалы. М., 1989. Кн. 1. С. 220.
6. Шадринский филиал Государственного архива Курганской области. Ф. 224. Оп. 1. Д. 47. Л. 11 об.
7. Памятники Сибирской истории... Т. II. С. 443; Валиханов Ч.Ч. Аблай // Собрание сочинений. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 111; Левшин А. Описание киргиз-кайсацких орд и степей. Спб., 1832. Ч. I.
8. РГАДА. Ф.214. Д.2465; РГАДА. Ф.415. Оп.1. Д.18. Л.14-15; РГАДА. Ф.248. Оп.1130. Д. 118. Л. 3-3 об.

Пушкарева Т.А.

Ясачная политика русской администрации в Западной Сибири

Уже в начале освоения русскими Западной Сибири одним из стратегических направлений московской политики являлся сбор ясака. Первые воеводы, призванные руководить сбором ясака, пытались вернуться к традиционной системе зависимости населения Сибирского ханства.

Уплата местными жителями дани пушниной известна еще в XII в., когда проникшие туда новгородцы пытались включить эту территорию в сферу своих колониальных владений.

В XV – XVI вв. земли Западной Сибири поочередно входили то в выделившееся из Шейбанидского улуса Тюменское ханство, то в возникшее на его развалинах государство Тайбугидов. П.Н.Павлов отмечает, что татары, проникнув на берега Тобола, Иртыша и Оби, получали с ханты и манси дань в виде ясака; при этом сами татары добывали в здешних местах пушнину и платили ясак своим ханам и князьям. Это подтверждает мысль, что ясак существовал задолго до присоединения Сибири к России.

После «Ермакова взятия» московские власти пытались привести аборигенное население Сибири «под государеву руку» посредством создания на местах специального аппарата (т.н. приказного). В конце XVI в. Западная Сибирь была поделена на уезды. В XVII в. на территории Зауралья сложились разряды: сначала Тобольский, в конце 20-х гг. - Томский, затем Ленский, к 90-м гг. - Верхотурский. Разрядные воеводы должны были содействовать распространению власти русского царя в Сибири. Эти носители воеводской власти имели право собирать с насе-